

Дмитрий Олерон
ОЛИМПИЙСКИЕ
СОНЕТЫ



Дмитрий Олерон
Василий Элинархович Молодяков
Олимпийские сонеты.
Стихотворения

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4964825
Олимпийские сонеты: Стихотворения / Сост., послесловие В.Э.
Молодякова; комм. Елены Тахо-Годи.: Водолей; Москва; 2012
ISBN 978-5-91763-118-9

Аннотация

Профессиональный революционер Дмитрий Иванович Глушков (1884–1918), избравший себе псевдоним «Олерон» по названию места ссылки для французских политических каторжников, известен в литературе главным образом как переводчик книги сонетов Ж.М. де Эредиа «Трофеи» (опубл. 1925). Настоящее издание представляет его как оригинального поэта, прежде всего как выдающегося мастера сонета. Многие стихотворения Олерона переиздаются впервые после 90-летнего перерыва. Особенностью книги является развернутый историко-литературный и реальный комментарий Елены Тахо-Годи к «Олимпийским сонетам», включающий переводы Олерона из Эредиа и иллюстративный ряд, позволяющий читателю лучше понять и оценить точность и пластичность описаний поэта.

Содержание

Олимпийские сонеты	6
<Посвящение>	7
<Вступительный >	8
Прекраснопалубный	9
В Пути	10
Балаклава. Здесь был Улисс	10
Хиос. Вечер в Турецком квартале	11
Шторм в Архипелаге. Сон	11
У скал Атики. Тень Лукреция	12
Станция Олимпия	13
Кронеийон. Над раскопками	15
Герайон. Гермес и Вакх Праксителя	16
Гермес. Omma hugron	16
Вакх	17
Храм Зевса	18
Восточный фронто	18
Битва Лапифов и Кентавров Пеония	18
Метопы	19
Подвиги Геракла	19
Керинейская лань	19
Скованный Прометей	20
Погребение Икара	21
Альтис. Ника Пеония	23

Терраса сокровищ	24
Сокровищница Гелойцев. Амфора	24
Роща Пелопса	25
Победители	25
Стадион	26
Пиндара	27
1-й Олимпийский эпиникий Гиерону	27
Сиракузскому	
3-й Олимпийский эпиникий Ферону	28
Акрагантскому	
Мастерская Фидия	29
Нерон	29
Последний грек	30
Бронзовая стела	30
Галерея семикратного эха	32
Тиранонектоны. Пелопид	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Дмитрий Олерон Олимпийские сонеты: Стихотворения

Олимпийские сонеты



<Посвящение>

Когда Феб в четвертый раз направлял Лошадей на пиры
в Двор —
цы Солнца и Диана опять расцветала, вечно-
мгновенная, —
в Гекатомбейон, —
Месяц Жертвоприношений, —
в акмэ Мощи, Искусства и Красоты, —
в Гекатомбейон
стекалась Эллада к золотым берегам Алфея, —
и там, в радостной долине, никогда не угаснет, казалось,
не умрет Союз Прекрасного.
Аларих —
землетрясения —
христианство, —
Угасала Мощь —
умирало Искусство —
уснула Красота, —
через тысячу лет Курциус снял с Олимпии пласт почвы
в двадцать пять футов.
Мгновенна Мощь —
мгновенно Искусство —
вечно-мгновенна Красота, —
уснет, как Диана, и проснется опять, как Диана, как
смена Лун золотых.

<Вступительный >

Смотреть вперед, отвергнув упования,
Не знать часов, не верить в смену дней.
Закрой глаза и в сне окаменей,
Когда таков твой круг существованья.

В таком кругу прошедшее ясней.
Но разлюби свои воспоминанья:
Беги услад, беги очарованья
Изжитых лиц, событий и огней.

Ты помнишь миг: они пришли впервые.
Как сладко боль зажглась в твоей крови!
То, чуя тлень, шли черви гробовые.

Окаменей, их пир останови:
Как статуи, в неподвижности живые,
В недвижимом сне таинственно живи.

Прекраснопалубный

С безгласьем стен слиянно каменею,
В недвижимом сне таинственно живу...
Я снам камней отдался наяву.
О, тишь камней. Я вечно в ней и с нею.

И вас, живых, к себе уж не зову.
Спят хоры Ор. Я в тихом свете рею.
Мой Эвсельмос плывет по эмпирею,
Опарусив туманную главу.

Мой Эвсельмос, мой пленник и вожатый,
Пусть резвый Эвр твой парус напряжет:
Лететь туда, где Солнце страстно жжет —

Напрасно жжет — тела усопших статуи.
А ты лелей скитальческий мой сон,
Гроза пловцов, ненастный Орион!

В Пути

Балаклава. Здесь был Улисс

Намокший снег живую ткань плетет
В летучей мгле под влажным небосклоном.
Кричит баклан, и зыбь с протяжным звоном —
Удар в удар – в брандвахту глухо бьет.

Здесь был Улисс. Вотще, под Илионом
Свершив свой долг, он вспять направил флот.
Кто в мирную Итаку отплывет,
Того судьба загонит к Листригонам.

Один, во тьме, он часто здесь блуждал
И небеса с надеждой вопрошал,
В овечий плащ закутавшись от снега.

Вотще. Молчал ненастный горизонт,
Кричал баклан, и с тяжкого разбега
В отвес скалы угрюмый бился Понт.

Хиос. Вечер в Турецком квартале

Я шел к своим и верил в неуспех:
О, сколько их, свершений несвершенных...
Вдруг черный луч из чьих-то глаз бессонных
Впился в меня сквозь сеть мушарабьех.

О стольких снах, для воли схороненных,
О стольких снах шептал мой скорбный смех,
И дрогнул я от муки взоров тех,
В мой вольный бег завистливо влюбленных.

Быть может, мы друг в друге тех нашли,
Кому уделы наши для земли
Готовил Рок: тебе – мои доспехи,

Моих друзей и недругов моих,
А мне – твой мир, твои мушарабьехи
И сны в тени киосков кружевных.

Шторм в Архипелаге. Сон

И снилось мне: с взволнованных высот,
Где вился смерч подоблачной колонной,
Спускалась зыбь к прозрачности придонной,

Спускалась зыбь разбить хрустальный грот.

На дне морском, в тиши хрустально-сонной,
Ни рыб, ни трав, ни чудищ не живет:
Кто не доплыл до порта, только тот
Лежит в песках и спит, замороженный.

Бежали две, дитя и мать, по дну.
Все ниже зыбь спускалась в глубину,
Смотрела мать безумно и устало.

Но не могло дитя ее понять:
Склонялось к дну, задерживало мать
И камушки цветные собирало.

У скал Атики. Тень Лукреция

*«Suavi mari magno turbantibus aequora ventis...»
De rer. nat., II*

С высоких скал отеческой земли
В ненастный час, когда бушуют воды,
Люблю смотреть, как страждут мореходы,
Как рвется снасть и тонут корабли.

И в дни войны на битвы и походы
Люблю смотреть, от всех тревог вдали.

Я рад не злу: я рад, что обошли
Меня, меня суровые невзгоды.

Но лучше нет, – подняться в светлый храм,
Воздвигнутый в надзвезды мудрецами,
И радость пить блаженными устами,

Сопричастясь к нетленным их дарам,
И видеть свет: и изредка оттуда
Смотреть на мрак мятущегося люда.

Станция Олимпия

Я попирал ногами прах Элиды.
За мною вслед две чьи-то тени шли.
– «Hotel d'Lympie, Бордо, Клико, Шабли,
Табль д'от, бильярд, оркестр, фут-болл и виды».

– О Зевс, о страж священной сей земли,
Прими меня под сень своей эгиды! —
Я протянул им пару драхм, и гиды
Ушли в тенях темнеющей дали.

Как тихо здесь. Смятенным, спешным шагом,
В пустынной тьме, в забвеньи, без пути,
Иду, один, над страшным саркофагом.

Как страшно здесь, как нужно здесь идти:
Здесь подо мной, века не увядая,
Бессмертно спит невеста молодая.

Кронеийон. Над раскопками

Здесь холм во тьме. А там, из-за барьера,
С Аркадских гор подьмелется луна
И плещет в дол, ярка и зелена,
Переклонясь, как полная патэра.

И все внизу, – как будто все из сна,
Которому в явлениях нет примера,
Все – как смарагд, все странно, как Химера,
И призрачно, как глубь морского дна.

Сквозь зыбкий свет зеленого потопа,
Как с острова, гляжу с холма туда,
И в том, что там, не видно мне труда

Ряженного за драхму землекопа:
О, счастлив тот, кто в тихий час луны
Глядит во тьме на мраморные сны.

Герайон. Гермес и Вакх Праксителя

Гермес. Omma hygron

Когда в камнях неясным силуэтом
Свою мечту ваятель прозревал,
Быть может, день был тих и нежно ал,
И облачка сменялись над Гиметом.

И под резцом холодный матерьял
Делил восторг с пылающим поэтом,
Рождая лик, омытый тихим светом,
И юных черт божественный овал.

На зов мечты, прекрасной и далекой,
Задумчиво улыбку затаив,
Грустят глаза под влажной поволокой.

О чем их грусть? Откуда к ним призыв?
Так на заре, над морем, тихо тая,
Промчится тенью тучка золотая.

Вакх

Он был лозой на грядках винодела,
Он бил ключом из кубков круговых,
Он ткал узор видений бредовых,
Им речь волхва в экстазе пламенела.

Им вольный крик слагался в песнь и стих.
Он был, как Дух. Но смутен дух без Тела,
И родила Диониса Семела.
О, Эрмий, он теперь в руках твоих.

Преемник сил стихии вечно страстной,
Божественный, невинный и прекрасный,
Взирает он на мир с твоих колен.

Но нет, еще не миру эти взгляды:
Им чужд еще насмешливый Силен
И резвый хмель и шумные Менады.

Храм Зевса

Восточный фронтон

Битва Лапифов и Кентавров Пеония

Кипит чертог. Над юною четой
Шумит обряд веселого Гимена.
Славнейшую из славного колена
Ввел в отчий дом сегодня Пиритой.

И вдруг удар. Смятенье. Крики плена.
Забила кровь под конскою пятой.
Оторван муж от чаши золотой,
И празднует нежданная измена.

Над клубом тел коней, детей и жен
Простер свою десницу Аполлон.
И с той поры они доныне живы:

Не слышно слез, оружия и копыт,
Но дышат мышц дрожащие извивы,
Но дышит бой и – каменный – кипит.

Метопы

Подвиги Геракла

Цветы в венке дорических колонн,
Обходят храм несчетные метопы
Под скатом плат из мраморов Родопы,
Где тяжкий фриз на звенья разделен.

Текучих строф размеренные стопы,
Немая песнь эпических времен,
Их строй звучит, как будто лирный звон
Окаменел на струнах Каллиопы.

Меж тем, как Феб свершает свой полет
И факел дня по статуям плывет,
Полна борьбы их рдеющая лента.

И каждый день без отдыха по ней
Стезей побед, бессмертья и огней
Идет Геракл в кольце антаблемента.

Керинейская лань

Катился путь, мелькали дни и страны,
Кончался год в смыкавшемся кругу.
Средь Истрских чащ, на льдистом берегу
Терялся путь любимицы Дианы.

Он так устал один блуждать в снегу
Под хладом солнц, закованных в туманы,
Внимать в тиши, как плачут ураганы,
И бить куниц и рысей на бегу.

Но в тихий час, сменяющий закаты,
Невольник тайн магической Гекаты,
Невольно в тьму склонял он робкий слух.

В мерцании искр тонула дебрь глухая
И ткала сны, прозрачно-лунный пух
С немых ветвей бесшумно отряхая.

Скованный Прометей

Но встречу их теснина разделяла.
– Кто ты в цепях? – Титан. А ты? – Герой.
Печальных скал неясный реял строй.
Текла заря, мертва и дымно ала.

И клубы тьмы, дрожащей и сырой,
Из черных ртов бездонного провала

Неслись к заре, свивая покрывала
Над спящей в льдах двуглавою горой.

Закатной мглой прощально пламенея,
Внимал Кавказ, как ропот Прометея,
Стихая, гас в безгласности могил.

И, опьянев, в последний раз к ночлегу
Над головой Геракла коршун плыл,
Роняя с лап и клюва кровь по снегу.

Погребение Икара

Зачем, Геракл... Я так был волнам рад.
Они свежи и так гостеприимны.
Их нежный плеск тихонько пел мне гимны,
И Эвр мой труп ласкал среди Спорад.

И сны мои, таинственно взаимны,
Вплетались в сны задумчивых Наяд,
И в их очах тонул мой мертвый взгляд
У Косских скал и отмелей Калимны.

Зачем, Геракл, ты в тьму меня укрыл...
Я ширь постиг в полете слабых крыл, –
Мне не видна лазурь из саркофага.

Там облака несутся без меня,
И мчит валы, колеблясь и звеня,
Прозрачная волна Архипелага.

Альтис. Ника Пеония

Из горних стран, со дна лазурной мглы,
Где вольных туч кочуют вереницы
И делят власть с огнями Колесницы
Лишь молнии, да звезды, да орлы, —

Она сошла в надземные границы,
Переступив эфирные валы,
И мчится вниз на острие скалы,
Простря покров шумящей багряницы.

Блажен, чью страсть Победа упоит:
И бурный вождь, и пламенный пиит,
И хладный жрец, отвергнувший земное,

И пастушок, дитя беспечных нег,
Веселых стад рассеянный стратег,
Забывший мир в объятьях Арсиноэ.

Терраса сокровищ

Сокровищница Гелойцев. Амфора

Под грудями нарядных терракот
Что здесь она, убогая амфора...
Ценителей завистливого взора
Она к себе ничем не привлечет.

И скошен борт, и ручки без разбора
Приставлены, и узкий переплет
По горлышку каракулькой идет, —
Меандр («меандр»!) чуть видного узора.

Но явственны на глине возле дна
От пальчиков небрежных два пятна.
То Зевсу в дар любви красноречивый

Почин трудов сынишки своего
Издалека принес гончар счастливый.
И мудрый Зевс благословил его.

Роща Пелопса

Победители

Еще не стих рассветный вздох полей,
И капли рос дрожат, как аметисты.
На ступенях безгласные флейтисты
Вдыхают мглу Пелопсовых полей.

Но там, вдали, где горы так тенисты,
Уже погас прозрачный Водолей.
На соснах свет все ярче, все алей.
Сигнальный рог зовет вас, агонисты.

И вдруг зарей плеснуло в бледный Столп.
Поднялся хор, и в буйном клике толп
Недвижность рощ и стен запламенела.

- Взошла заря! Ликуй, святая Гелла!
- Идут бойцы! Да славится Эвмолп!
- Тепелла! Йо! Эвмолп идет, тепелла!

Стадион

Зарывшись в ил гребнями ступеней,
Спит стадион. Жеманная улитка
Из черепков аканфового свитка
Ползет ко мне. Я здесь один. Я с ней.

Я с ней один. От тихого напитка
Луны, руин, безгласья и камней
Я брежу с ней. А сердцу все больней,
И грудь теснит неведомая пытка.

Я здесь один. Быть может, грустно мне,
Что я чужой безгласью и луне,
Что я не мхи, не ветхие ступени,

Что я не бог... Иль если б был я бог,
Я б не постиг восторга откровений
И слезы лить – блаженные – не мог?

Пиндара

1-й Олимпийский эпиникий Гиерону Сиракузскому

Что меж стихий прекрасней, чем вода?
Что царственной в сокровищах вселенной,
Чем золото в красе своей, – нетленной,
Как огонь в ночи и в бурной мгле звезда?

Что ярче дня? Пред ним стезею пленной
Бежит теней зловещая череда.
Так ничего не петь нам никогда
Прекрасней игр Олимпии священной.

Рожденный в ней, венчая мысль певца,
Поет мой гимн хваленья в честь Отца
У ступеней божественного трона

И мчится в путь, гремящий и святой,
Туда, к лугам Тринакрии златой,
В победный кров чертогов Гиерона.

3-й Олимпийский эпиникий Ферону Акрагантскому

О властелин лирического строя,
Кому ты, гимн, гремишь хвалу свою?
Кого своей форминтой воспою,
Бессмертного, иль мужа, иль героя?

О, славься, Зевс! В дорическом краю
Бежит Алфей, священный берег роя.
Там, где струи звенят, как Каллироя,
Вскормил Геракл геройскую семью.

Он игры ввел в Зевесову обитель
И дал закон, чтоб каждый победитель
Увенчан был трофеем боевым.

Всем честь своя по мере их таланта.
Мы ж за коней Ферона возгремим,
Властителя, опору Акраганта!

Мастерская Фидия

Нерон

И золото, и пурпур, и виссон.
Тускнеет свет в тяжелом аромате.
Нерон дрожит: о Тигре и Евфрате
Поет стихи в театре завтра он.

Трепещет пот на тучном лобном скате.
Он вновь и вновь берет свой барбитон.
Петроний нем. И в шумный струнный звон
Вторгалась грусть и пела об утрате.

Летает плектр. Гремучий Тигр течет
И пенится и бьется о цезуры.
Тускнеет свет, дрожат в глазах скульптуры

Под взмах ноги, ведущей тактам счет.
И в грустном сне, один, следит Петроний
Багровый дым сирийских благовоний.

Последний грек

Забыт Геракл. Умолкли песни Пану.
Угас во тьме Ахейский ореол,
И Ромулов ликующий Орел
Припал на грудь к безгласному титану.

Был Перегрин. Восстал и не обрел
Волшебных сил закрыть живую рану.
Тогда, послав проклятья Гадриану,
Он умирать в Олимпию побрел.

Олимпия... Как пышно это слово...
Как пышно призрак яркого бывшего
Над нею свой багрянец распростер.

И Перегрин пред чуждою толпою —
Последний грек — кинической стопою
Взошел в свой дом — на пламенный костер.

Бронзовая стела

Недвижный стан под складками хламиды,
По сторонам два судорожных льва,
Меж тяжких крыл застывшая глава

И странный взгляд персидской Артемиды.

Вверху орлы и грифы, – кружева,
Иль вышивки с одежд Ахемениды,
Иль фрески стен, куда стекались миды
Справлять богам безвестным торжества.

А посреди, в тени, должно быть, лавра,
Разит Геракл бегущего кентавра,
На всем скаку для выстрела застыв.

Я слушаю чеканные рассказы,
Где, в сказочный сплетаясь примитив,
Звучит Восток сквозь стиль Коринфской вазы.

Галерея семикратного эха

Тиранонектоны. Пелопид

Срывался снег. Как стертая каменя,
Текла луна. Дул ветер. Киферон
Тонул во мгле. Ненастный Орион
Сверкал из туч, зловеще пламеня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.